

Научная статья

УДК 398

DOI: 10.36871/hon.202301130

РУССКАЯ СИБИРСКАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Наталья Александровна Урсегова

Новосибирский педагогический университет
630087, Российская Федерация, Новосибирск, улица Вилюйская, 28
urseg@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7685-1256

Настоящая статья посвящена малоизученному этапу истории русской сибирской фольклористики — периоду революции и гражданской войны (1917–1922). В научной литературе он освещен недостаточно, а монографические исследования, обращенные к данной теме, отсутствуют.

История русской сибирской фольклористики рассматривается в контексте региональной истории развития смежных гуманитарных наук (истории, этнографии, этномузыковедения, краеведения, диалектологии и др.) с учетом социокультурного контекста эпохи.

На основе интерпретации качественных и количественных (статистических) данных библиометрического анализа публикаций изучается процесс развития фольклористических исследований в Сибири, оценивается вклад отдельных ученых, а также научных, образовательных, просветительских и иных учреждений, общественных и частных инициатив, предопределивших специфику развития научной мысли в регионе в 1917–1922 годах.

Продолжая традиции дореволюционной сибирской этнографии и фольклористики, сибирские ученые находили возможности для ведения экспедиционной, научной и преподавательской работы, формируя новые профессиональные кадры для организации фольклорной работы в регионе. Установка на координацию усилий ученых в области сибиреведения, создание сетей научной коммуникации способствовали формированию модели междисциплинарных исследований в сибирской и шире — российской науке. Переход к данному этапу организации научных исследований стал одной из предпосылок на пути к научному планированию фольклористических исследований, получивших развитие уже в советский период.

Ключевые слова: фольклористика, этнография, Сибирь, М. К. Азадовский, русский фольклор, история науки

Для цитирования: Урсегова Н. А. Русская сибирская фольклористика в период революции и гражданской войны // *Художественное образование и наука*. 2023. № 1 (34). С. 130–143. <https://doi.org/10.36871/hon.202301130>

Original article

RUSSIAN SIBERIAN FOLKLORE STUDIES DURING THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR

Natalia A. Ursegova

Novosibirsk State Pedagogical University
28 Vilyuyskaya ul., Novosibirsk, 630126, Russian Federation
urseg@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7685-1256

© Урсегова Н. А., 2023

The historiographical article is devoted to a little-studied stage in the history of the Russian Siberian folklore — the period of the Revolution and the Civil War (1917–1922). It is poorly covered in the scientific literature, and there are no monographic studies specifically devoted to this topic. The history of the Russian Siberian folklore studies is considered in the context of the regional history of the development of related humanities (history, ethnography, ethnomusicology, local lore, dialectology, etc.), taking into account the sociocultural context of the epoch. Based on the interpretation of qualitative and quantitative (statistical) data from bibliometric analysis of publications, the process of the development of folklore studies in Siberia is examined, the contribution of particular scholars, as well as scientific, educational and other institutions, public and private initiatives, which predetermined the specifics of the scientific thought in the region in 1917–1922, is evaluated.

Continuing the traditions of the pre-revolutionary Siberian ethnography and folklore studies, Siberian scientists found opportunities for conducting expedition, scientific and teaching work, forming new professional staff for organizing the folklore work in the region. The focus on coordinating the efforts of scholars in the field of Siberian studies and the creation of scientific communication networks contributed to the formation of a model of interdisciplinary research in Siberian and wider — Russian science. The transition to this stage of scientific research organization has become one of the prerequisites for the scientific planning of folklore research, developed already in the Soviet period.

Keywords: folklore studies, ethnography, Siberia, M. K. Azadovsky, Russian folklore, history of science

For citation: Urseгова N. A. Russian Siberian Folklore Studies during the Revolution and the Civil War. *Khudozhestvennoe obrazovanie i nauka [Arts Education and Science]*. 2023, no. 1 (34), pp. 130–143. <https://doi.org/10.36871/hon.202301130> (In Russian)

Драматические события противоречивого периода истории Сибири, совпавшие с революцией и Гражданской войной, способствовали формированию убеждения, что в революционные годы в Сибири царили исключительно хаос, разруха и анархия, которые сопровождались отсутствием какой-либо научно-исследовательской жизни в регионе [6, 27]. Указанное оценочное суждение, на наш взгляд, не является аксиомой и будет исследовано в настоящей статье в целях его разъяснения и истолкования. В доступной нам научно-исследовательской литературе указанная выше проблематика освещена слабо, а монографические исследования, специально обращенные к данной теме, отсутствуют. История русской сибирской фольклористической науки в период революции и Гражданской войны (1917–1922) будет рассмотрена в контексте развития и становления смежных с фольклористикой гуманитарных наук в сибирском регионе и с учетом последствий трагических катаклизмов и драматических событий начала XX века.

Как известно, в период с весны 1917 по декабрь 1919 года в Сибири была создана система местного самоуправления, включающая губернские, уездные и волостные земства, а с середины июня 1918 года Сибирь стала центром нового государственного образова-

ния со своим законодательным органом — Сибирской областной думой и правительством, в результате чего у сторонников областничества возникла мысль о независимости Сибири и необходимости борьбы с большевизмом как негативным явлением, пришедшем из центральной России. В ходе Гражданской войны сибирское население довольно активно поддерживало правительство, однако политическое перерождение сибирской власти в антинародную колчаковщину привело вначале к крестьянскому бунту, который позже перерос в антибольшевистское и антисоветское движение. Эти события вызвали новую волну Гражданской войны, продолжавшейся в Сибири вплоть до 1923 года.

Все указанные выше исторические события, конечно, повлияли на вектор общественно-экономического развития Сибири и отразились на его научном потенциале, но кардинальные (невосполнимые) изменения в организации фольклористической науки в регионе стали заметны намного позднее, в 30-е годы XX века. Первое же пятилетие после Октябрьской революции является логическим завершением дореволюционного этапа развития русской сибирской фольклористики, что подтверждается статистическими данными анализа библиографической активности сибирских ученых: паде-

ние/снижение публикационной активности сибирских авторов, начатое после 1915 года, достигает своего «дна» только в 1922 году

[23]. Общее количество источников, опубликованных в период с 1917 по 1922 год, составляет всего 20 наименований.

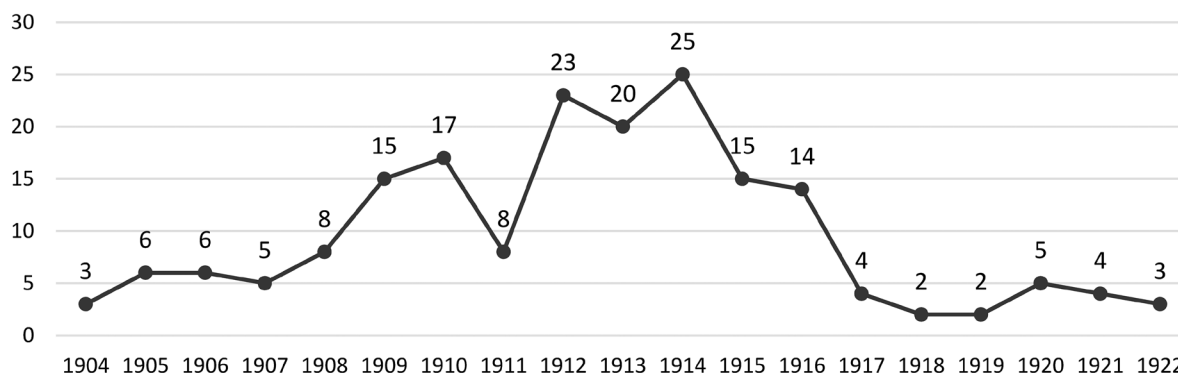

Рисунок. Библиографическая активность сибирских ученых в 1904-1922 годах

География публикаций изучаемого периода в количественном преобладании репрезентирует русский фольклор Восточной части Сибири и Дальнего Востока — Иркутской и Енисейской губернии, Забайкалья, Прибайкалья, рек Амур и Лена. Отдельные фольклорные тексты, записанные на территории Западной Сибири, представлены в сказочном издании А. М. Смирнова (материалы по Тобольской губернии) [16], в материалах В. Н. Белослюдова (по Томской губернии 1911–1915 годов) [4], а также в газетной статье, посвященной партизанской песне (материалы записаны на Алтае) [11].

Номенклатура публикуемых фольклорных жанров является вполне традиционной с точки зрения дореволюционной фольклористики и относится к так называемой категории «поэзия деревни». В публикациях этого периода содержатся разнообразные в жанрово-тематическом отношении материалы по сказке, хороводно-игровым и плясовым песням, духовным стихам, приговорам и прибауткам, загадкам, приметам, поверьям, заговорам, эпосу, обрядовому фольклору (календарному и свадебному — песням, причитаниям). При этом русский фольклор изучается в широком социальном и конфессиональном аспектах: в публикациях находим фольклорно-этнографические материалы, записанные от русского старожилого населения Сибири — крестьян, старообрядцев (семейских Забайкалья), казаков (забайкальских и амурских), партизан.

Все это свидетельствует о продолжении тенденций, намеченных дореволюционной сибирской фольклористикой, при отсутствии

фактов явного воздействия советской цензуры и административно-идеологического характера управления наукой.

Рассмотрим более подробно особенности функционирования русской сибирской фольклористики как науки (деятельность научных и образовательных учреждений и обществ, а также формы научного общения фольклористов), которая развивалась в пореволюционное время в условиях глубокого социально-политического и экономического кризиса в годы беспощадной Гражданской войны.

В наследство от дореволюционной науки сибирская фольклористика получила разветвленную сеть учреждений, так или иначе занимающихся изучением устной народной поэзии. В самом начале XX века в сибирском регионе определяющую роль играли разнообразные научные общества — европейско-русские и сибирские по их географическому местоположению, однако после Октябрьской революции деятельность в регионе продолжили только сибирские отделы двух столичных научных организаций — *Русского географического общества* и *Общества изучения Сибири и улучшения ее быта*, которые занимались экспедиционным обследованием региона с публикацией собранных еще в дореволюционное время материалов в своих периодических изданиях — *Записках* и *Известиях* [5; 10; 12].

Деятельность Восточно-Сибирского Отдела Русского географического общества (далее — ВСОРО) во время Первой мировой войны и накануне революции, как известно, практически замерла: «После 1917

года наступает почти пятилетний перерыв в этнографических изучениях Отдела, обусловленный историческими событиями. Революция и последовавшие события переместили людей из края в край; силы отвлеклись, возможностей для спокойного научного труда не оказалось. Конечно, отдельными членами их работы продолжают, но связь с Отделом как руководящим органом уже порвана, и только летом 1921 года возобновляется» [6, 27].

В 1917–1919 годах во ВСОРГО стали приходить новые члены — приезжая научная интеллигенция. И хотя на ВСОРГО после революции обрушился мощнейший удар, лишивший Общество прежнего покровительства, автономии, собственности, оно обладало таким авторитетом и запасом прочности, что, реорганизовавшись, сумело наладить работу. Сильной стороной Общества была его демократичность и внимание к исследовательским проектам не только признанных, но и начинающих ученых и краеведов.

Так, например, в этнологической секции ВСОРГО историко-этнографические исследования велись силами местных краеведов. Один из примеров — супруги Веселовы: Иван Иннокентьевич, чертежник судостроительной верфи в селе Лиственничное, основатель музея в селе Листвянка, его хранитель и экскурсовод, и Акилина Иовна (Винокурова), учительница. На протяжении 1920-х годов они постоянно выезжали в экспедиции на личные средства и средства ВСОРГО и Общества изучения Сибири и ее производительных сил (ОИС). Ими были записаны многочисленные сказания, детские игры. Значительная часть этих материалов до сих пор не опубликована и хранится в Государственном архиве Иркутской области (фонд Р-565).

Другой пример плодотворной краеведческой работы представлял Иван Сергеевич Хромовских, учитель Александро-Невской станицы, действительный член ВСОРГО, который, в том числе выполнил записи детского фольклора, позже частично опубликованные Г. С. Виноградовым в работе «Детский народный календарь». В приложении к статье помещены образцы трех детских мелодий с текстами, записанные в Куйтунской волости (Тулун), воспроизведенные Д. А. Болдыревым-Казарином. Изучение русского фольклора в 1921–1922 годы в ВСОРГО вела также студентка гуманитар-

ного отделения педагогического факультета Иркутского университета А. М. Попова, которая изучала быт русских, проживающих в селе Распутинском на Ангаре (Балаганский уезд). Кроме того, среди русского населения, проживающего по реке Оке в пределах Тулунского уезда, вел этнографические наблюдения Г. С. Виноградов.

Развитие деятельности ВСОРГО, выразившееся в основном в накоплении экспедиционных материалов и обсуждении их с коллегами, привело к важному событию — *организации с 1 мая 1922 года специальной секции Отдела — этнологической*. Поначалу руководителем секции выступил профессор Иркутского университета Ю. Э. Петри, который привлек к работе молодые силы начинающих ученых — П. П. Хороших, А. М. Попову, Е. И. Титова и др. В 1922–1923 годах этнологическому отделу ВСОРГО удалось выпустить четыре номера «Этнографического бюллетеня». При помощи этого издания иркутские этнографы вновь восстановили прерванные научные коммуникации с исследовательскими организациями, расположенными в европейской части России, а также за ее пределами.

Таким образом, оторванность Сибири в 1917–1922 годах от европейской части России, находившейся в это время под властью большевиков, двойственным образом сказалась здесь на научных процессах. С одной стороны, были практически прерваны профессиональные контакты с научными и образовательными учреждениями из центральной части России, но, с другой стороны, для сибирской науки открылись новые перспективы развития. Прежде всего, речь идет об эвакуированных ученых из университетов центральной России, чей научный и организационный потенциал стал катализатором развития сибирской науки, укрепил ее в кадровом отношении. Кроме того, сибирские ученые не испытали на себе того мощного большевистского диктата, которое оказывало советское правительство на научную интеллигенцию в столичных городах, что придавало их деятельности более творческий и свободный характер.

Таким образом, деятельность ВСОРГО в 1917–1922 годах отмечена двумя важными чертами. Первая: в пореволюционный период во ВСОРГО изучение русской народности в Сибири не находилось на первом плане, так как исследования «не были осве-

щены и направлены какой-либо руководящей общей мыслью и поэтому совершались без плана, неравномерно для разных тем и вопросов, местностей и групп населения; та работа, которая велась, не могла быть до конца плодотворной, так как выполнение ее не было подчинено принципу разделения труда» [6, 26]. Вторая: в публикациях ученых наметилось новое направление в этнографических изучениях — внимание было обращено на влияние современности и исторических событий на различные стороны культуры и быта народа.

Первое послеоктябрьское пятилетие в Сибири отмечено также бурным развитием университетского образования, что способствовало дальнейшему развитию фольклористической науки в регионе. Так, кроме *Томского государственного университета*, открытого в 1888 году, в Сибири работал *Восточный институт* (открыт в 1899 году во Владивостоке). Осенью 1918 года во Владивостоке был создан Комитет по учреждению *частного историко-филологического факультета* во главе с сотрудником Музея антропологии и этнографии Российской академии наук, известным ученым С. М. Широкогоровым. Наряду с образовательной деятельностью профессора факультета вела научную работу. Этому способствовали, во-первых, издание научного журнала «Ученые записки историко-филологического факультета», а во-вторых, работа студенческих научных кружков под руководством преподавателей. Так, например, выпускники Восточного института организовали Общество русских ориенталистов (ОРО) в Харбине и издавали собственный журнал «Вестник Азии» (выходил в свет с 1909 по 1928 год), где публиковались научно-исследовательские материалы фольклористической тематики в отделе под названием «Этнография, путешествия, история, языковедение». Журнал «Вестник Азии» был в то время единственным научным периодическим органом Дальнего Востока, освещающим региональные проблемы.

В 1918 году был открыт второй университет в Сибири — *Иркутский государственный университет* (ИГУ) в составе историко-филологического и юридического факультетов. В 1919 году из этих двух факультетов был образован гуманитарный факультет с шестью отделениями. Уже ко времени открытия университета сложилось

устойчивое мнение, что «Иркутск — не только географический центр, он — живой умственный и культурный центр, с прочно налаженной общественной жизнью, с многочисленными богатыми учреждениями как материальной, так и духовной культуры. Подобные данные всегда учитываются молодежью. С этими данными будет считаться также и профессура, для которой не безразлично, в каком городе и в каких окружающих условиях вести свою ученую и учебную деятельность. А наличие талантливых и заметных профессоров будет прямой притягательной силой для студенчества» [8].

У истоков создания ИГУ и становления его научных школ находились ведущие ученые и профессора дореволюционной России, многие из которых ранее преподавали в центральных вузах и нашли в Иркутске убежище от революционных потрясений. В первые годы своего существования в ИГУ количественно преобладали ученые из центральной части России, Петрограда, Москвы, Казани, бежавшие от революции: В. А. Малаховский — преподаватель методики русского языка и литературы, с июня 1926 года доцент, с 1929 года профессор, в 1923–1930 годах заведующий кафедрой методики преподавания русского языка ИГУ, член ВСОРГО; А. М. Селищев — профессор, филолог-славист, диалектолог, в 1918–1920 годах профессор, заведующий кафедрой славянской мифологии; М. В. Муратов — филолог, историк, религиовед, писатель; П. Я. Черных — языковед, профессор, изучал языковые особенности русского старожилородного населения Сибири и др. Благодаря их трудам была создана благодатная почва для роста молодых специалистов, составивших впоследствии ядро научных школ Иркутского университета¹.

Наряду с приезжими учеными в Иркутском университете работали представители местной (сибирской) научной интеллигенции:

- Г. С. Виноградов — выпускник Иркутской духовной семинарии и историко-филологического факультета Иркутского университета, с 1920 года — заведующий отделом Иркутского музея народоведения, руководитель студен-

¹ В 1923 году при вузе был создан Биолого-географический научно-исследовательский институт, ставший первым университетским НИИ на территории Сибири.

ческих этнографических экспедиций, в 1923–1929 годах — редактор этнографического сборника «Сибирская живая старина», в 1925–1930 годах — профессор кафедры этнографии, действительный член ВСОРГО;

- М. К. Азадовский — выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, в 1923–1930 годах заведующий кафедрой истории русской литературы Иркутского университета, активный член Института исследований Сибири, ВСОРГО, редактор «Сибирской живой старины», литературного отдела «Сибирской советской энциклопедии».

Формирование и активное развитие русского фольклористического направления в научных исследованиях Иркутского университета связано с деятельностью кафедры первобытной культуры, которая была организована по инициативе Б. Э. Петри при историко-филологическом факультете Иркутского университета в 1919 году. При кафедре работал кабинет археологии и этнографии, библиотека и музей, в котором проходили заседания студенческого научного кружка «Народоведение» (позже — «Краеведение»). Кафедра активно взаимодействовала с ВСОРГО: все желающие студенты могли присутствовать на заседаниях отдела, слушать доклады старших коллег, знакомиться с новинками литературы из библиотеки². Обязательное требование к студентам — проведение собственной экспедиционной работы и написание по итогам собирательской работы научных статей.

Университет располагал собственными издательскими мощностями, оказывая посильную помощь профессуре в издании научных работ. Так, например, в 1920 году была опубликована работа профессора, заведующего кафедрой славянской мифологии А. М. Селищева «Забайкальские старообрядцы-семейские», в которой можно обнаружить пересказы и тексты духовных стихов [15, 36–43].

² После открытия Иркутского университета ВСОРГО постоянно оказывал ему посильную помощь оборудованием и экспонатами, предоставлял свои помещения для проведения занятий, открыл доступ его преподавателям в свою библиотеку. Особенно велико было участие Отдела в создании научной библиотеки вуза, ей в течение 1920-х годов были переданы тысячи книг, в том числе и раритетные издания.

В 1921 году начал свою работу *Государственный институт народного образования в Чите* (ГИНО). Первым ректором ГИНО стал профессор В. И. Огородников, его помощником был профессор М. К. Азадовский. Институт имел хорошую материально-техническую базу, издавал собственные научные сборники («Труды ГИНО», «Известия ГИНО в г. Чите»). При институте работали научные общества и кружки, которые притягивали к себе многочисленных местных краеведов-любителей, а также объединяли профессиональных ученых (университетских профессоров) и будущих профессионалов — студентов.

Именно в Чите в 1922 году выходит в свет антология сибирских плачей М. К. Азадовского «Ленские причитания»: параллельно в Трудах ГИНО и отдельным изданием в типографии Дальпрофсовета. Советский ученый Ю. Соколов в статье 1926 года отмечает, что «Ленские причитания» М. К. Азадовского представляет собой образец решения актуальной задачи современной фольклористики — «изучить различия поэтики того или иного жанра в зависимости от индивидуальности исполнителя, а далее различия поэтики жанра в зависимости от местной поэтической “школы”» [17].

В это же время (1921–1922) в Чите издавался журнал Министерства народного просвещения Дальневосточной республики (ДВР) «Вестник просвещения», где наряду с официальными документами и хроникой публиковались научные статьи. На страницах этого журнала была опубликована обзорная научная работа М. Азадовского «Эпическая традиция в Сибири» [1], изданная в этом же году в Чите отдельным изданием. Работа представляла собой лекцию, прочитанную автором на историко-филологическом факультете Томского университета. Научный труд М. Азадовского получил положительную рецензию профессора Ю. Соколова. В статье, посвященной оценке работ по русскому фольклору за революционный период, Ю. Соколов пишет о перспективных направлениях работы сибирских фольклористов, впервые обозначенных М. Азадовским: «...обзор всей эпической литературы по сибирскому краю показал, что еще далеко не весь запас эпической традиции исчерпан собирателями. Еще могут открыться немалые “залежи” нетронутых материалов» [18, 169–170]. Однако, характеризуя в целом уровень организации науки того времени,

Азадовский огорченно писал, что «в научных условиях Читы, будучи совершенно оторван от новейших как русских, так и западноевропейских работ в этой области, и не ознакомившись с теми крупными методологическими достижениями, которые сделала за последние годы наша наука» [21], он не может приступить к серьезным научным исследованиям.

В 1920 году был организован *Государственный Дальневосточный университет* во Владивостоке, созданный на базе *частного историко-филологического факультета и Восточного института*. В конце 1922 года Дальневосточный университет был объединен с созданными незадолго до этого Педагогическим и Политехническим институтами, а в 1923 году он расширился за счет перевода во Владивосток из Читы Государственного института народного образования (ГИНО).

Среди преподавателей университета — видные ученые А. В. Гребенщиков, Е. Г. Спальвин, Н. В. Кюнер, С. М. Широкогоров, А. П. Георгиевский, В. И. Огородников, И. А. Лопатин. Курсы лекций по истории первобытной культуры, археологии и этнографии читал В. К. Арсеньев — писатель, путешественник, известный исследователь Дальнего Востока, ученый-этнограф. Он активно привлекал к научным полевым работам своих студентов, разработал для них уникальную программу по теории и практике научных исследований. Научные работы исторической, филологической, фольклористической и этнографической тематики публиковались в сборниках «Ученых записок» историко-филологического факультета университета. Профессор и декан историко-филологического факультета, диалектолог А. П. Георгиевский и библиограф З. Н. Матвеев, а также их коллеги по университету проделали значительную работу по систематизации и сохранению архивных материалов Приморской области, стали создателями в Дальневосточном крае государственной архивной службы.

Кроме государственных образовательных учреждений на территории региона создавались и частные/общественные образовательные учреждения. Так, например, в 1920 году на средства Союза кооператоров был организован *Прибайкальский народный университет*, при котором начала работу *кафедра Прибайкаловедения*, издававшая «Известия Кафедры Прибайкаловедения». Прибайкальский народный университет

тесно сотрудничал с *Обществом изучения Прибайкалья*, созданным в Верхнеудинске в 1918 году в связи с образованием Бурят-Монгольской республики. Общество располагало собственной научной библиотекой и этнографическим музеем.

Наука в Сибири в пореволюционные годы развивалась не только в университетских стенах, но и вокруг них. Крупнейшим в Сибири организатором науки был *Томский государственный университет*, где в начале 1918 года по инициативе профессорско-преподавательского сообщества была организована работа *Общества этнографии, истории и археологии*, которое стало первым *сибирским профессиональным объединением ученых*, имело собственное научное издание. Со временем в его работу активно включились находящиеся в Томске в эвакуации ученые из Казанского и Пермского университетов — историки, филологи, философы, культурологи.

Общество этнографии, истории и археологии за короткое время своего существования провело большое количество заседаний. На одном из ключевых заседаний, состоявшемся 12 декабря 1918 года, речь шла о неудовлетворительном положении архивного дела в Сибири, был поднят вопрос о создании Западно-Сибирского архива в Томске. Для решения этого вопроса была образована специальная комиссия, в которую вошел, в частности, профессор М. К. Азадовский. Впоследствии работа архивной комиссии ТГУ была тесным образом связана с деятельностью Института исследования Сибири (1919–1921) — уникального научного учреждения, призванного решать не только исследовательские (научные) задачи, но и осуществлять координационные функции.

Необходимость создания *Института исследования Сибири* (далее — ИИС) обсуждалась еще в дореволюционное время, в 1910 году, но важнейший шаг к его созданию был сделан в ходе работы Первого сибирского метеорологического съезда, который работал в конце октября (по старому стилю) 1917 года в Иркутске. На этом съезде делегаты приняли решение о создании учреждения, призванного не только собирать и систематизировать научные сведения об уже произведенных исследованиях, но и координировать предстоящую научную работу в масштабах всей Сибири. Однако ввиду хаоса и политической

нестабильности, вызванных событиями Гражданской войны, съезд по организации ИИС удалось провести лишь в январе 1919 года. Придание институту статуса государственного учреждения затянулось на полгода, а в печать постановление Российского правительства А. В. Колчака вышло только 25 октября 1919 года. Однако после восстановления советской власти возникли серьезные проблемы с финансированием института, обусловленные экономической разрухой, географической удаленностью Сибири от центра, отсутствием финансовых средств в регионе. В итоге институт просуществовал недолго, так как революционное руководство считало, что ИИС — это оплот интеллигентских сил, враждебно настроенных по отношению к советской власти, поэтому 5 июня 1920 года Сибревком принял постановление о закрытии Института исследования Сибири.

Институт исследования Сибири имел в своем составе Среднесибирское и Дальневосточное отделения, а также шесть отделов, в том числе историко-этнографический. Состав сотрудников института формировался в основном из профессоров и преподавателей высших учебных заведений Томска, ученых крупнейших сибирских городов (Иркутск, Красноярск, Барнаул, Омск, Владивосток), включая научных сотрудников, эвакуированных из городов европейской части России. Научный потенциал института был достаточно внушительным.

Деятельность Института исследования Сибири подробно освещена в историографической литературе. В советских историографических исследованиях оценка его деятельности рассматривалась исключительно с классовых идеологических позиций: как прибежище укrywшихся врагов революции. Позже появились более объективные мнения. Так, например, В. Л. Соскин отметил принципиальную уникальность этого научно-координационного, комплексного учреждения, новаторство его основателей, сумевших, по его словам, «фактически обогнать свое время» [19, 102]. В одной из последних работ В. Л. Соскин характеризует учреждение как «самую яркую страницу» эпохи Гражданской войны в Сибири [20, 95]. Однако, критически проанализировав деятельность ИИС, он пришел к заключению о том, что реальный вклад института в развитие научного потенциала Сибири был невелик.

А. Н. Еремеева рассматривает деятельность Института исследования Сибири как альтернативу Академии наук, научные и организационные связи с которой в пореволюционное время были практически прекращены, а возможности и перспективы децентрализации сибирской науки того времени были упущены. Автором отмечена положительная роль, которую удалось сыграть ИИС в научном освоении Сибири, а также успехи членов института в области издательской деятельности, имевшей в условиях острого дефицита бумаги большое значение для развития отечественной науки [7].

Таким образом, в новейших историографических источниках ИИС рассматривается, во-первых, в качестве ценного научно-культурного феномена, возникшего в Сибири в годы революции и Гражданской войны, а во-вторых, как упущенная возможность создать некое подобие Сибирской Академии наук задолго до СО РАН.

Институт исследований Сибири воспринимался сибирской общественностью как координационный центр всей сибирской научной жизни, в том числе этнографической. Так, на самом съезде ИИС³ была организована секция истории, археологии и этнографии Сибири [22]. В первый день ее работы председателем секции был избран профессор Томского университета П. Г. Любомиров, а его секретарем — М. К. Азадовский. Было проведено пять рабочих заседаний, на которых выступили десять докладчиков не только из Томска, но и из других сибирских городов. Профессор П. Г. Любомиров предложил организовать историко-этнологический отдел ИИС на базе секции истории, археологии и этнографии Сибири: «С этой работой, — подчеркнул он, — надо спешить. Со вторжением новых факторов жизни многие из аборигенов быстро исчезнут, если только человек культуры не поспежит прийти к ним своевременно на помощь. Надо спешить также захватить живые памятники старины, чтобы понять или заглянуть глубже в прошлое туземцев» [22, 108]. Также на заседании секции прозвучало предложение о необходимости открытия на базе историко-филологического факультета Томского университета кафедры этнографии. Инициатива создания кафедры этнографии была поддержа-

³ Съезд прошел в Томске, 15–26 января 1919 года.

на всеми участниками заседания, однако практическая реализация данного вопроса не была воплощена в жизнь, как и другие позитивные предложения по этнографическому исследованию Сибири, которые были преданы забвению.

Таким образом, в работе ИИС закладывались основы, во-первых, методологической парадигмы целостного подхода при проведении исследований Сибири; во-вторых, многоуровневой научной коммуникации внутри научного сообщества (внутрисибирской, межрегиональной, междисциплинарной и т. п.) — одновременно целостной и в тоже время разветвленной. «Установки на координацию усилий исследователей, формирование сетей научной коммуникации способствовали складыванию модели междисциплинарных исследований в сибирской и шире — российской науке. Переход к данному этапу организации научных исследований стал одной из предпосылок на пути к научному планированию, обозначившемуся уже в советский период» [13, 161].

Для понимания путей развития русской сибирской фольклористики в изучаемый период наиболее ценной представляется деятельность М. К. Азадовского, принимавшего активное участие в работе *Института исследования Сибири* сразу по нескольким направлениям — фольклорно-этнографическому, библиографическому, архивному (безусловно, взаимосвязанными между собой в рамках реализации синергетической парадигмы, объединяющей отдельные части научного знания в единую целостность, с помощью которой представлялось возможным комплексное рассмотрение сущности научных явлений).

Будучи в то время старшим ассистентом историко-филологического факультета Томского университета, секретарем секции истории, археологии и этнографии, М. К. Азадовский выступает на организационном собрании Съезда 16 января 1919 года с докладом на тему «Об этнографическом изучении русского населения Сибири» [3, 89–90], где им фактически была сформулирована программа работ по этнографическому изучению русского населения Сибири. Основная цель работы — собирание и изучение фольклора, этнографии и диалектологии русского населения Сибири. Для реализации поставленной междисциплинарной цели, по мнению М. К. Азадовского, было необходимо:

- 1) организовать музыкально-песенную и сказочную комиссии, которым надлежит заняться организацией специальных экспедиций и публикацией собранного материала;
- 2) издать сборник ранее опубликованных материалов русско-сибирской народной словесности, разбросанных в малодоступных старинных изданиях;
- 3) издать специальный этнографический журнал типа «Живой старины» или московского «Этнографического обозрения» в целях оживления этнографических изучений;
- 4) организовать ряд экспедиций для стационарного изучения говоров, так как изучение путем рассылки программ при разносоставности сибирского населения может привести к не совсем точным выводам;
- 5) поощрять и субсидировать деятельность местных научных организаций, направленных на широкое, разностороннее изучение народной словесности;
- 6) продолжить работу в области этнографии внешнего быта, начатую отделом РГО по составлению этнографической карты русского населения [22, 89–90].

В процессе обсуждения доклада М. К. Азадовского А. Н. Липский (Хабаровск) предложил рассмотреть вопрос об организации музея фонограмм.

Кроме того, М. К. Азадовский планировал выступить на съезде Института исследования Сибири с докладом на тему «Задачи сибирской библиографии». Из-за болезни ученого этот доклад зачитан на съезде не был, но его положения вошли в «Труды» съезда. Опубликованные материалы — это отрывки из лекции Азадовского, прочитанной им 24 ноября 1918 года на заседании Общества этнографии, истории и археологии при Томском университете и опубликованной в «Сибирских записках» за 1919 год (№ 6).

М. Азадовский рассуждает о необходимости создания особого отдела при Институте исследования Сибири, в задачи которого входили бы, во-первых, регистрация текущей литературы, а во-вторых, восполнение пробелов прошлого. Первая задача могла быть осуществлена при условии создания областной библиотеки, в которой сосредоточились бы все издания, выходящие в Сибири, и все опубликованные материалы, относящиеся к Сибири. Вторая задача — глобальная, ее полная реализация стала

бы возможной при условии осуществления более мелких, частных задач — составления библиографий по каждому журналу, газете, иному периодическому изданию отдельно, обследование литературы каждого сибирского города в отдельности и т. п., а также при условии подготовки профессиональных библиографических кадров в сибирских университетах.

Первым реальным итогом библиографических исследований М. К. Азадовского стала работа «Обзор библиографии Сибири» 1920 года издания, опубликованная в первом выпуске «Трудов Общества этнографии, истории и археологии при Томском университете». В работе отражены 133 различных библиографических источника, касающихся Сибири. Именно в этом труде М. Азадовский формулирует и реализует на практике новый, современный подход в составлении библиографических указателей. Согласно его воззрениям, составитель библиографического пособия обязательно должен быть специалистом в конкретной области знания.

Таким образом, можно утверждать, что к началу деятельности М. Азадовского в ИИС его концептуальное, научное видение дальнейших путей развития русской фольклористики Сибири лежит в русле междисциплинарных исследований, а также их углубления в отраслевом аспекте (сказковедение, этномузыковедение, диалектология и т. п.). Автор поднимает актуальные вопросы научной организации экспедиционной деятельности в регионе с возможностью оперативной публикации собранных материалов в специализированном журнале, ведения библиографических изучений как важной части историографии фольклористики.

Все это позволяет положительно оценить научный и организационный потенциал М. К. Азадовского — будущего крупнейшего методолога и историка науки, фольклориста не регионального (сибирского), но общероссийского масштаба. Многие выдвинутые в пореволюционные годы теоретические идеи будут реализованы Азадовским уже в следующем, иркутском периоде его научной деятельности (в 1923–1929 годах).

ВЫВОДЫ

Фольклористическая деятельность в Сибири периода 1917–1922 годов представляет собой довольно сложный, противоречивый процесс, отражающий социально-поли-

тические особенности становления новой государственности. Однако эта противоречивая и сложная ситуация тем не менее не стала препятствием для проведения активной научно-исследовательской работы, в том числе по собиранию, изучению и, в меньшей степени, по публикации русского фольклора Сибири.

Несмотря на малое количество опубликованных источников (научных статей и первопубликаций фольклорных материалов), обнаруженных нами в сводном библиографическом указателе «Русский фольклор» за 1917–1944 годы [14], изучаемый период истории русской фольклористики Сибири отличается специфическими чертами, характеризующими не только состояние фольклорной науки в данный период, но и ее нереализованные потенциальные возможности.

Фольклористические исследования в первые годы советской власти в Сибири велись в тех центрах, которые образовались до революции или в период Гражданской войны: Томском, Иркутском университетах и в сибирских подотделах РГО. В пореволюционный период в Сибири сложилось два научных центра — Томский (западная часть Сибири) и Иркутский (восточная часть Сибири) университеты, располагающие соответствующей научно-образовательной инфраструктурой (музеи, кабинеты, библиотеки и т. п.), общественно-научными объединениями, собственной печатной базой. Поначалу ситуация с кадрами профессиональных ученых-фольклористов осложнялась тем, что их было довольно мало. В этой связи потребовалось время, чтобы на местах были подготовлены собственные исследователи. Оценивая развитие науки в Сибири в 20-е годы прошлого века, нельзя не согласиться с мнением историка С. Красильникова, который совершенно точно подмечает, что «вузовская наука имела здесь “очаговый” характер, отраслевая только намечала свои будущие “точки роста”, а академическая лишь обозначала приоритеты путем осуществления локальных экспедиций» [9].

В Западной Сибири, в Томском университете, впервые в регионе на постоянной основе появились и стали работать местные профессиональные фольклористы, крупнейший из них — М. К. Азадовский, старший ассистент историко-филологического факультета Томского университета, секретарь секции истории, археологии и этно-

графии. Параллельно в Иркутске начинается свою профессиональную научную деятельность Г. С. Виноградов.

Преобладание фольклорных материалов, записанных и изданных в эти годы в восточной части Сибири, подтверждает, что этнографические исследования 1917–1922 годов активнее всего велись в Иркутске, Чите и Владивостоке, концентрируясь вокруг преподавателей, прежде всего, местных образовательных учреждений (институтов и университетов), которые, в свою очередь, тесно сотрудничали с РГО, местными краеведческими обществами и музеями. В начале 1920-х годов в Иркутском университете оформилось так называемое этнологическое направление в области этнографии, где развернулись работы по изучению фольклора русского населения Сибири, возглавляемое профессорами М. К. Азадовским и Г. С. Виноградовым.

Определяющую роль в развитии сибирской фольклористики и формировании Иркутска как центра научного изучения русского фольклора в регионе сыграло ВСОРГО. В 1917–1918 годах это главный координатор работы по открытию в Иркутске государственного университета; в стенах ВСОРГО в послереволюционные годы происходило научное общение выдающихся русских ученых, бежавших от большевиков из центральной части страны, видных представителей сибирской научной школы и иркутского студенчества.

Таким образом, пореволюционные годы для русской сибирской фольклористики по сравнению с предыдущим дореволюционным периодом не оказались полностью потерянными, так как его организационные и научные результаты представляются весьма существенными для осознания путей развития науки о русском фольклоре Сибири в первой половине XX века. Особый интерес в данном контексте представляет опыт организации Института истории Сибири, который рассматриваем как форму самоорганизации науки и координации исследований в масштабах всей Сибири в период революции и Гражданской войны. Кроме того, концепция деятельности Института истории Сибири закладывала основы для формирования межрегиональных коммуникаций (как по линии отдельных научных отраслей, так и между представителями различных смежных с этнографией и фольклористикой отраслей науки). Установка на

координацию усилий ученых в области сибиреведения, создание сетей научной коммуникации способствовали формированию модели междисциплинарных исследований в сибирской и шире — российской науке. Переход к данному этапу организации научных исследований стал одной из предпосылок на пути к научному планированию фольклористических исследований, получивших развитие уже в советский период.

Пореволюционное пятилетие в истории русской фольклористики Сибири понимается нами как заключительный этап единого сложного процесса развития дореволюционной фольклористики, завершившийся окончательно только в 1922 году, о чем свидетельствуют приведенные ниже факты.

1. Продолжаются процессы последовательного накопления эмпирического материала во всем его многообразии, в том числе запрещенными позднее жанрами — духовными стихами, заговорами, религиозными легендами, апокрифами, фольклором заключенных и др.
2. Выходят в свет периодические издания и книги, подготовленные в дореволюционный период.
3. Продолжается процесс формирования локальных научных центров изучения местного фольклора, иных государственных и общественных научных институций, координирующих собирательскую и просветительскую работу сибирских ученых и любителей-краеведов.
4. Сибирская фольклористика развивается в тесном взаимодействии и единстве со смежными научными дисциплинами (этнографией, лингвистикой, диалектологией и т.п.), о чем свидетельствует материалы программного доклада М. К. Азадовского на тему «Об этнографическом изучении русского населения Сибири» (1919).
5. Отсутствует цензура, идеологические запреты и централизация науки.

Продолжая традиции дореволюционной сибирской этнографии и фольклористики, сибирские ученые находили возможности для ведения экспедиционной, научной и преподавательской работы, формируя новые профессиональные кадры для организации фольклорной работы в регионе.

Полагаем, что новый период в развитии сибирской фольклористики (ее советский этап) начался в 1923 году, когда общепри-

знанным центром фольклористической работы в регионе стал Иркутск, а научная и организационная деятельность ее лидеров — М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова

ва — вышла за рамки региональной науки: оба ученых внесли значительный вклад в дело становления отечественной российской фольклористики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Азадовский М. К.* Эпическая традиция в Сибири // Вестник просвещения. 1921. № 5–7. С. 1–16.
2. *Азадовский М. К.* Задачи сибирской библиографии // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 3. С. 67–68.
3. *Азадовский М. К.* Об этнографическом изучении русского населения Сибири // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919, отд. III. С. 89–90.
4. *Белослюдов В. Н.* Материалы по этнографии // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, 1917. С. 1–13. Вып. 11.
5. *Виноградов Г. С.* Материалы для народного календаря русского старожилото населения Сибири: Восточная Сибирь, Тулунская область, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // Записки Тулунского отдела общества изучения Сибири и улучшения его быта: кн. 1. Иркутск, 1918. С. 1–60.
6. *Виноградов Г. С.* Этнографические изучения в ВСО РГО 1851–1926 гг. // Известия ВСО РГО. Иркутск: Изд-во ВСО РГО, 1927. Т. 50. С. 3–37.
7. *Еремеева А. Н.* «Находясь по условию времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар : Платонов И., 2017. 208 с.
8. Здесь будет новый университет // Восточно-Сибирская правда. 1966. 18 июня.
9. *Красильников С. А.* Общество изучения Сибири: от расцвета до заката (1925–1931 гг.) // Наука в Сибири. 2000. № 19 (2255). URL: <http://www.nsc.ru/NBC/article.phtml?nid=100&id=14> (дата обращения: 08.01.2023)
10. *Мишарин Д. Н.* Свадебные песни, записанные в Верхотенском уезде Иркутской губернии // Известия ВСО РГО. Иркутск: Типография Иркутского товарищества Печатного Дела, 1917. Т. 16. С. 257–272.
11. Партизанская песня // Алтайский коммунист. 1920. № 162. 8 августа.
12. *Пруссак А. В.* Игральные, хороводные и плясовые песни Иркутской губернии // Известия Иркутского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Иркутск: Изд-во Иркутского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта, 1917. С. 19–32. Вып. 1.
13. *Расколец В. В., Сорокин А. Н.* Становление исследовательских кадров при Институте исследования Сибири и его роль в поддержке молодых ученых // Вестник ТГУ. История. 2019. № 61. С. 158–168.
14. Русский фольклор: Библиографический указатель. 1917–1944 / сост. М. Я. Мельц. Л. : Академия наук СССР, 1966. 684 с.
15. *Селищев А. М.* Забайкальские старообрядцы-семейские. Иркутск : Изд-во Государственного Иркутского университета, 1920. 80 с.
16. *Смирнов А. М.* Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества. Петроград : Изд. А. М. Смирнова, 1917. 500 с.
17. *Соколов Ю. М.* Очередные задачи изучения русского фольклора // Художественный фольклор. М. : Гос. академия художественных наук, 1926. С. 5–29.
18. *Соколов Ю. М.* Работа по русскому фольклору за революционный период // Этнография. 1926. № 1–2. С. 153–178.
19. *Соскин В. Л.* Из истории координации научных исследований в Сибири (конец XIX в. — 1919 г.) // Формы организации науки в Сибири. Исторический аспект. Новосибирск : Наука, 1988. С. 84–104.
20. *Соскин В. Л.* Советская культурная политика в Сибири (1917–1927 гг.) // Советская культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе: очерки истории. Новосибирск : ИИ СО РАН, 2006. С. 11–64.
21. *Титов Е.* Библиография // Этнографический бюллетень. 1923. № 4. С. 17–18.
22. Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. 460 с.
23. *Урсегова Н. А.* О региональных особенностях развития русской сибирской фоль-

клористики начала XX в. (предоктябрьский период) // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 3. С. 322–339.

REFERENCES

1. Azadovsky M. K. Epic Tradition in Siberia. *Vestnik prosveshcheniya [Bulletin of Enlightenment]*. 1921, no. 5–7, pp. 1–16. (In Russian)
2. Azadovsky M. K. Tasks of the Siberian Bibliography. *Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri [Proceedings of the Congress on the Organization of the Siberian Research Institute]*. Tomsk, 1919, part 3, pp. 67–68. (In Russian)
3. Azadovsky M. K. About the Ethnographic Study of the Russian Population of Siberia. *Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri [Proceedings of the Congress on the Organization of the Siberian Research Institute]*. Tomsk, 1919, part 3, pp. 89–90. (In Russian)
4. Beloslyudov V. N. Materials on Ethnography. *Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva [Notes of the Semipalatinsk Sub-Department of the West Siberian Division of the Russian Geographical Society]*. 1917, vol. 11, pp. 1–13. (In Russian)
5. Vinogradov G. S. Materials for the National Calendar of the Russian Old-Timers of Siberia: Eastern Siberia, Tulun Region, Nizhneudinsk District, Irkutsk Province. *Zapiski Tulunskogo otdela obshchestva izucheniia Sibiri i uluchsheniya ego byta [Notes of the Tulun Department of the Society for the Study of Siberia and the Improvement of Its Life]*. Vol. 1. Irkutsk, 1918, pp. 1–60. (In Russian)
6. Vinogradov G. S. Ethnographic Studies in the East Siberian Division of the Russian Geographical Society 1851–1926. *Izvestiya VSO RGO [Izvestiya of the East Siberian Division of the Russian Geographical Society]*. Vol. 50. Irkutsk, 1927, pp. 3–37. (In Russian)
7. Eremeeva A. N. "Nakhodias' po uslovii vremeni v provintsii...": praktiki vyzhivaniya rossiiskikh uchenykh v gody Grazhdanskoi voiny ["Being in the Province for a Long Time...": the Survival Practices of Russian Scientists During the Civil War]. Krasnodar, 2017. 208 p. (In Russian)
8. There Will Be a New University Here. *Vostochno-Sibirskaiia Pravda [East Siberian Pravda]*. 1966, June 18. (In Russian)
9. Krasilnikov S. A. Society for the Study of Siberia: from Its Heyday to Decline (1925–1931). *Nauka v Sibiri [Science in Siberia]*. 2000, no. 19 (2255). (In Russian). Available at: <http://www.nsc.ru/HBC/article.phtml?nid=100&id=14> (accessed: 08.01.2023)
10. Misharin D. N. Wedding Songs Written Down in the Verkholensk District, Irkutsk Province. *Izvestiya VSO RGO [Izvestiya of the East Siberian Division of the Russian Geographical Society]*. Vol. 16. Irkutsk, 1917, pp. 257–272. (In Russian)
11. Partisan Song. *Altaiiskii communist [Altai Communist]*. 1920, no. 162, August 8. (In Russian)
12. Prussak A. V. Playing, Round Dance and Dance Songs of Irkutsk Province. *Izvestiya Irkutskogo otdela Obshchestva izucheniia Sibiri i uluchsheniya ee byta [Izvestiya of the Irkutsk Department of the Society for the Study of Siberia and the Improvement of Its Life]*. Irkutsk, 1917, vol. 1, pp. 19–32. (In Russian)
13. Raskolets V. V., Sorokin A. N. Formation of Research Personnel at the Institute for the Study of Siberia and Its Role in Supporting Young Scientists. *Vestnik TGU [Bulletin of TSU. History]*. 2019, no. 61, pp. 158–168. (In Russian)
14. Mel'ts M. Ya. (ed.) *Russkii fol'klor: bibliograficheskii ukazatel' [Russian Folklore : bibliographical index]*. Leningrad, 1966. 684 p. (In Russian)
15. Selishchev A. M. Zabaikal'skie staroobriadtsy. Semeiskie [Transbaikal Old Believers. Semeiskie]. Irkutsk, 1920. 80 p. (In Russian)
16. Smirnov A. M. *Sbornik velikoruskikh skazok Arkhiva Russkogo geograficheskogo obshchestva [Collection of Great Russian Fairy Tales from the Archive of the Russian Geographical Society]*. Petrograd, 1917. 500 p. (In Russian)
17. Sokolov Yu. M. The Next Tasks of Studying Russian Folklore. *Khudozhestvennyi fol'klor [Artistic Folklore]*. Moscow, 1926, pp. 5–29. (In Russian)
18. Sokolov Yu. M. Work on Russian Folklore During the Revolutionary Period. *Etnografiya [Ethnography]*. 1926, no. 1–2, pp. 153–178. (In Russian)
19. Soskin V. L. From the History of Scientific Research Coordination in Siberia (late XIXth century – 1919). *Formy organizatsii nauki v Sibiri. Istoricheskii aspekt [Forms of Science Organization in Siberia. Historical Aspect]*. Novosibirsk, 1988, pp. 84–104. (In Russian)
20. Soskin V. L. The Soviet Cultural Policy in Siberia (1917–1927). *Sovetskaya*

- kul'turnaya politika i praktika ee realizatsii v Sibirskom regione: ocherki istorii* [The Soviet Cultural Policy and the Practice of Its Implementation in the Siberian Region: Essays on the History]. Novosibirsk, 2006, pp. 11–64. (In Russian)
21. Titov E. Bibliography. *Etnograficheskii byulleten'* [Ethnographic Bulletin]. 1923, no. 4, pp. 17–18. (In Russian)
22. Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniia Sibiri [Proceedings of the Congress on the Organization of the Siberian Research Institute]. Tomsk, 1919. 460 p. (In Russian)
23. Urseгова N. A. Regional Peculiarities of the Development of Russian Siberian Folklore Studies in the early XXth century (pre-October period). *Studia Litterarum*. 2022, vol. 7, no. 3, pp. 322–339. (In Russian)

Информация об авторе:

Урсегова Н. А. — кандидат искусствоведения, доцент кафедры народной художественной культуры и музыкального образования

Information about the author:

Urseгова N. A. — Candidate of Art Criticism, Associate Professor at the Department of Folk Art Culture and Music Education.

Статья поступила в редакцию 05 февраля 2023 года; одобрена после рецензирования 14 февраля 2023 года; принята к публикации 15 февраля 2023 года.

The article was submitted February 05, 2023; approved after reviewing February 14, 2023; accepted for publication February 15, 2023.

